

С. Мельгунов

Г. А. Лопатин

Из цикла "Встречи"

"Наше наследие", 1989, No 2

Предисловие, подготовка текста и комментарии М. Филина

[OCR Бычков М. Н.](#)

Всегда увлекательно веселый и подвижный, всегда остроумный и занимательный, неподражаемый рассказчик, поражающий знаниями, памятью, - таким рисуется мне неизменно Герман Александрович Лопатин при наших довольно многочисленных встречах в Петербурге у В. И. Семевского и в Москве у В. Д. Лебедевой.

Впервые я встретился с Лопатиным у Семевских. Он был одним из самых аккуратных посетителей традиционных воскресных обедов, на которые сходил узкий кружок друзей В. И. и Е. Н. Семевских¹. Сотрапезники оставались и на вечер, когда у Семевских собиралась довольно многочисленная и разнообразная публика, я бы сказал - народовольцы, литераторы и ученые.

Г. А. после вкусного и сытного обеда с вином никогда не мог выдержать искусства до конца и с обеда непосредственно перейти на журфикс. Незаметно он куда-то исчезал на часок, что давало повод Е. Н. над ним постоянно подтрунивать. Он отправлялся соснуть в соседнюю комнату, хотя никогда в этом не признавался в дамском обществе и хотя также несомненно все это знали, так как подобное скрывание происходило каждое воскресенье и уже в течение ряда лет.

"Дамы" были слабостью Г. А., как и сам он был слабостью дам. Его всегда окружали какие-то дамы, всегда ему назначались какие-то деловые свидания в дамском обществе, всегда он хлопотал о каких-то девицах, что служило поводом для бесконечных добродушных подсмеиваний во время воскресных обедов. Г. А. смущался от нападок, но своим успехом был доволен.

Два народовольца, резко отличные друг от друга, выйдя из долголетней тюрьмы, как бы переживали вторую молодость: Н. А. Морозов² и Г. А. Лопатин.

Г. А. было уже за шестьдесят лет, когда я с ним познакомился, но в нем столько было именно жизненной энергии, что, казалось, он хотел использовать все, что могли только дать жизнь и свобода. Легко представить его себе молодым. Эта кипучая энергия, исключительно богатые дарования, тонкий наблюдательный ум, остроумие, смелость, мужество - одним словом, действительно черты истинного героя. Я думаю, что все женщины всегда немного были влюблены в этого рыцаря семидесятых годов, всегда относились к нему с некоторым восхищением и обожанием. И его сверстницы переживали в его присутствии свою вторую молодость, вспоминая далекие дни прекрасной юности. Когда у В. Д. Лебедевой, этого друга шлиссельбуржцев, встречались Морозов, Фигнер³ и Лопатин, чувствовались своеобразные отношения хозяйки к своим знаменитым друзьям. Если перед В. Н. Фигнер чувствовалось поклонение с некоторою даже боязливостью, если в отношении Н. А. сквозили добродушие и дружба, то в отношении Г. А. чувствовались ноты именно произвольного восхищения и нежности, прикрытые несколько иронической внешностью. И мне кажется, такое отношение было не только у В. Д. Лебедевой.

Известно, что вся жизнь Г. А. - вихрь эпизодов и случайностей. Какова была бы его судьба в нормальных условиях жизни, трудно сказать. Такие люди с исключительными дарованиями или становятся великими людьми или остаются талантами, не сумевшими найти должное применение своим слишком широким возможностям. Это был прирожденный вождь революции, но революции карбонарской, я бы сказал - второй Желябов, но только с еще более чуткой и нежной душой.

В годы своей старости, несмотря на всю жизненность, Г. А. не мог уже быть политическим работником, каким была В. Н. Фигнер, не мог заниматься наукой, как неустанно продолжал это делать Н. А. Морозов. Г. А., может быть, один из самых крупных народовольцев, мог только доживать свой век.

Во всей громадной фигуре Г. А., сквозь эти насупленные брови, сквозила та нежная доброта, то благородство человека, который видит в другом действительно брата. Это - не доброта от слабости и простодушия, это доброта величия, умеющая снизить, объяснить и простить. Недаром такой суровый